

ПЁТР ТКАЧЕНКО

“БРОДИЛ И Я В СТИХИЯХ МИРА...”

Теперь поэты трудноразличимы. И не только потому, что их светящиеся во тьме строчки тонут и гаснут в интернетном мусоре. В конце концов, поэт может затеряться в равной мере как в безбрежном цифровом пространстве, так и среди бумажного хлама. Поэты трудноразличимы теперь из-за невнятного состояния нашего общественного сознания. По причине того морока, который неизбежно охватывает людей после всяких больших потрясений и который всё ещё не проходит. Но это вовсе не значит, что поэтов теперь нет, что они не несут незримо, но безропотно и бережно свой крест. А то, что общество их не слышит или еле слышит, это в большей мере характеризует не поэтов, а общество. Но поколение, не знающее своих поэтов, в конечном счёте обречено. Не пишущих вообще, коих всегда легион, а поэтов. Тех, кто хранит духовную сущность человеческого бытия, кто удерживает связь времён, “храня священную любовь, твердя старинные обеты” (А. Блок).

Поэта Виктора Верстакова, своего ровесника, мне довелось узнать в самом начале его поэтического пути. Помнится его первая книжка “Традиция”, вышедшая в 1975 году в издательстве “Современник”, в серии для молодых авторов. Меня, в то время литературствующего лейтенанта после Владикавказского высшего военного училища она поразила прежде всего тем, что это была книжка курсанта. Мыслимое ли дело, курсант выпускает в центральном издательстве книжку! Это был исключительный случай – и тогда, и позже. Может быть, единственный в своём роде. Подумалось, что автор её – какой-то баловень судьбы. Тем более что стихи были как стихи, правильные и старательные, не хуже, чем у других стихотворцев. Видимо, Виктор Верстаков, так удачно начавший, стал бы со временем видным литератором, большим редактором, а по этикету тех времён – по совместительству и государственным деятелем. Но этого не произошло. Он стал поэтом, истинным. О, знать бы нам заранее, что произойдёт и с ним, и со всеми нами!.. Но, по счастью, заранее этого знать в любые времена никому не дано. . .

Виктор Глебович родился в офицерской семье фронтовика-танкиста. Детство прошло, понятно, по военным гарнизонам. В городе Шуе Ивановской области закончил среднюю школу № 2. Учился в Московском авиационном институте. Закончил военную академию имени Дзержинского. Служил на инженерных должностях в подразделении связи Генштаба. В самом начале офицерской службы ему опять повезло. Может быть, время было такое, что тогда происходили счастливые случайности. . . Ещё лейтенантом он попадает в военный отдел центральной, в то время авторитетной газеты “Правда”. Специальным корреспондентом. Примечательны обстоятельства его перехода в военную журналистику. В то время он уже выступал со стихами в военной печати. Редактор же военного отдела газеты “Правда” Тимур Гайдар

(позже – контр-адмирал) был убеждён в том, что человек, пишущий приличные стихи, может в этой жизни всё... Прочитав стихи Виктора Верстакова, Тимур Гайдар послал телеграмму молодому офицеру: зайти в редакцию. Естественно, поэт подумал, что это какая-то шутка или розыгрыш. Но в редакцию зашёл. Так для Виктора Верстакова началась служба военного журналиста.

Крутой поворот в его творческой судьбе и в жизни произошёл с началом Афганской войны в 1979 году. Как спецкор “Правды” он постоянно летал туда, “за речку”. Хлебнул этой войны не только как журналист. Эта необъявленная, неожиданная и трудно постижимая война стала потрясением как для людей военных, так и для всего общества. И поскольку её пытались утаить, правда о ней вылилась в уникальное явление – авторские воинские песни, исполняемые под гитару. Здесь талант Виктора Верстакова неожиданно раскрылся в полной мере. Теперь он выступал с гитарой, и это было оправдано, так как эти песни вдруг получили широкое распространение в магнитофонных кассетах, оказались очень популярными в обществе. Я стал собирать эти песни, впервые издав их сначала в “Молодой гвардии” (“Когда поют солдаты”), а потом и в других издательствах. Песни Виктора Верстакова в этом песенном море отличались высоким поэтическим уровнем и глубиной: “Пылает город Кандагар, / живым уйти нельзя. / И всё-таки: Аллах акбар, Аллах акбар, друзья...” Наверное, это и есть безусловный и высший показатель, критерий оценки поэта, когда его творения сами, уже без его участия, расходятся среди людей, поются по велению души:

Горит звезда над городом Кабулом,
горит звезда прощальная моя,
как я хотел, чтоб Родина вздохнула,
когда на снег упал в атаке я.

...И я лежу, смотрю, как остывает
над минаретом синяя звезда.
Кого-то помнят или забывают,
а нас и знать не будут никогда...

И всё было бы проще, если бы это были песни военные только по теме. Но песни Виктора Верстакова – это глубокие поэтические исповеди о жизни и смерти, о высоком предназначении человека. Причём простые по форме – на то они и песни. Они отличались поразительной глубиной. Иногда по-лермонтовски тревожные и томительные:

В землянке, вкопанной в долину
близ города Пули-Хумри,
с ботинок очищаю глину,
жизнь коротаю до зари:

Здесь печь гудит, здесь лампа светит,
поскрипывает в петлях дверь,
здесь жизнь мне, может быть, ответит,
что с нею делать мне теперь...

Довелось мне и ближе узнать поэта, поработав вместе с ним. В начале 1989 года была создана Военно-художественная студия писателей. Её начальником был назначен полковник Виктор Верстаков. Художественным руководителем был известный писатель-фронтовик Иван Фотиевич Стаднюк. Виктор Глебович пригласил меня в студию. Я колебался, так как работал в отделе литературы и искусств газеты “Красная звезда”. Газета – живая работа, а студия – дело новое... И всё-таки он уговорил меня, и я перешёл на работу в Военно-художественную студию писателей.

Кроме собственно творческой работы, мы ездили в войска, встречались с читателями. Время требовало новых форм для таких встреч. И тут нас выручали барды в погонах. А в Москве, в Центральном Доме литераторов и в Центральном Доме Российской армии проводили большие вечера воинских песен, офицерского романа. Песни Виктора Верстакова пользовались

большим успехом. К тому времени у него сложился целый цикл стихов и песен об Афганской войне. В 1990 году издательство “Молодая гвардия” выпустило его книгу “Пылает город Кандагар...”, сразу ставшую популярной. Но многие его песни пошли по стране, передаваемые друг другу исполнителями:

В королевских конюшнях
места нет для коня.
Медсестра раскладушку
принесла для меня.

Отыскала местечко
в самом дальнем углу,
где десантник навечно
задремал на полу.

Унесли бедолагу,
положили меня.
Я отсюда ни шагу,
я спокойней коня.

Ведь от ног до макушки
весь я гипсовым стал.
Мне не надо подушки,
разве что пьедестал...

Некоторые его песни стали прямо-таки знаковыми, так как были написаны в лучших традициях русской литературы. Такие, как “Нюрка” — о раненой сапёрной собаке: “Плачет Нюрка, живая душа, / слёзы с кровью смешались на лапах, / ах, как Нюрка была хороша — / самый тоненький чуяла запах...”

Он создал целую поэтическую летопись, искреннюю и тревожную, о судьбах людей военных, о мужестве и долге, о жизни и смерти, которая часто стала подстергать людей нашего поколения:

От боя до боя недолго,
не коротко, лишь бы не вспять.
А что нам терять кроме долга?
Нам нечего больше терять.

.....
Пилотки и волосы серы,
но выбилась белая прядь.
А что нам терять кроме веры?
Нам нечего больше терять.

В короткую песню не верьте,
нам вечная песня под стать.
Ведь что нам терять кроме смерти?
Нам нечего больше терять.

Его стихи, как истинная поэзия, исполнены и психологизма, и трагизма: “Военного оркестра медь — / и та звучит порою ложно. / Красиво можно умереть. / Убить красиво невозможно”.

Это летопись не столько военных событий, хотя и узнаваемых за поэтическими строчками, сколько воплощение психологического и духовного состояния человека на войне. Того состояния, от которого он трудно освобождается всю жизнь. Если освобождается вообще...

Война становится привычкой,
опять по кружкам спирт разлит,
опять хохочет медсестричка,
и режет сало замполит.

...А хорошо сестра хохочет
от медицинского вина.
Она любви давно не хочет,
ей в душу глянула война...

После Афгана он побывал потом во всех “горячих точках” и, конечно, в Чечне. Из этих, казалось, уже бесконечных войн выходил сильный, настоящий поэт, по традиции – “певец во стане русских воинов”: “Ступив за хребет Гиндукуша, / где солнце тускнело во мгле, / спокойную русскую душу / пронёс по тревожной земле...”. Но в 1994 году тогдашний министр обороны П. Грачёв ликвидировал Военно-художественную студию писателей, и Виктор Верстаков ушёл в запас, уволился из Вооружённых Сил.

Он остро, даже болезненно переживал очередную смуту и крушение Советской армии, сломавшие судьбы многих и многих офицеров, похоронившие их под своими обломками.

На рубеже тысячелетий,
по тленным пажитям бродя,
в земле отеческой не встретил
я ни пророка, ни вождя.

Глаголы гордости и лести
с неправедных слетали уст,
наветные звучали вести,
и шумный мир казался пуст...

И что было примечательно и важно – в этом безвременье в его стихах звучала та этическая высота, которая всегда была свойственна русским писателям. Что бы ни произошло, каким бы безнадёжным и пустым всё ни казалось, оставалась вечной и непоколебимой Родина: “А ты всё та ж, моя страна, / В красе заплаканной и древней” (А. Блок). В свои смутные годы В. Розанов писал: “Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы её должны любить именно, когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно, когда наша “мать” пьяна, лжёт, и вся запуталась в грехе, – мы и не должны отходить от неё”.

Такая же этическая высота и в стихотворении Виктора Верстакова “Бродил и я в стихиях мира...”:

Пытаюсь вспомнить бой в Афгане,
пытаюсь вспомнить бой в Чечне...
В сегодняшнем дыму-тумане
они неразличимы мне.

Так для чего в стихиях мира
я, напрягая слух и взор,
искал любовь, свергал кумира,
спускался с покорённых гор?

Что у меня осталось в жизни?
Свой угол, пыльное окно
и всё-таки любовь к Отчизне,
пусть сумасшедшей, всё равно.

Он поэт большого гражданского напряжения и ответственности. Правда, в нашей литературе издавна по недоброй традиции сложилось так, что *гражданственностью* почитается только бунтарство, вне зависимости от того, праведен этот гнев или неправеден. “Гражданином” почитался лишь тот, кто “громит пороки смело” в надежде на их исправление, не ведая о том, что “то сердце не научится любить, которое устало ненавидеть”... А страстное желание людям, народу, Родине блага – это уже вроде и не гражданственность, а “охранительство”...

Он поэт масштабного мышления в смысле постижения и определения главных, извечных духовных основ жизни, без которых невозможно наше человеческое бытие. Ведь если писатель для оправдания своих творений говорит, как о последнем доводе, что так всё в жизни, а он тут вроде бы ни при чём, значит, дела его как художника плохи. Он должен бы сказать: так в душе моей. . . И это поэт Виктор Верстаков знает точно.

Его стихи последних лет – это трудное, но неуклонное возвращение к духовной сущности человека, к исконной вере, глубокое осознание того, что драгоценно лишь то, что сделано для души. Всё остальное зависит от этого:

Порабощая тело духу,
избрав нетленные пути,
сумей и смуту, и разруху,
и Божий гнев перенести.
Век суетен, сердца жестоки,
добро не побеждает зла.
Грядут кровавые уроки,
бьют смертные колокола.

И вместе с тем жестокий счёт к себе и по-лермонтовски суровый счёт к своему поколению: “Не их вина, фронтовиков, что дело плохо, / что мир потомков бестолков, / мелка эпоха”:

А поколение оказалось
(как и стихи) такая малость,
такая дрянь в конце концов
пред поколением отцов.
Мы все тогда читали, пели
и думали, что в самом деле
святую истину найдём,
отцов и дедов превзойдём...

И – горькая писательская исповедь, как в этом стихотворении “Эпоха”. Нет, это не брюзжание, искони свойственное уже пожившим людям. Это констатация печального факта, надеюсь, не бесконечного:

Нас не почитают, не читают,
не преподают, не издают,
перед нами женщины не тают,
внуки наших песен не поют.

...Как ты, дура, без литературы
будешь во Вселенной куковать?
Чем свои войнушки и амуры
в жизни будешь запечатлевать?

...Но шумит эпоха в интернете,
чтоб своей не слышать тишины,
позабыв, что жизни нет на свете
без литературы и войны...

Совершенно очевидно, что с двухтысячных годов в мире Виктора Верстакова произошёл некий духовный поворот. И это сказалось в том, что он возвратился к духовной сущности человека. Это очень непросто и для поэта, и для каждого человека. Но об этом однозначно говорят его последние публикации: “Бродил и я в стихиях мира” (М., Московская городская организация Союза писателей России”, 2001), “Если в дело вступает молитва” (“Роман-газета XXI век”, № 3, 2017, “Московский вестник”, № 1, 2018).

Нет, это не насмешка судьбы, а скорее подтверждение истинной сущности поэта, когда уже не поэзия от него зависит, а он сам всецело зависит от неё. Надо же было так случиться, что, подойдя к почтенному юбилею, Виктор

Верстаков живёт теперь в тверской деревне... Бирюльки. Вроде бы мог при-
смотреть избу в другом месте. Нет, не мог, ибо это произошло не преднаме-
ренно, а по некой незримой закономерности. Потому что у истинного поэта
ничего в жизни не бывает случайного, даже в мелочах. А *Бирюльки* — это ведь
не только безделушки, но — дудочки, свирели. А значит, не играть, не писать
он и далее не может, так как это зависит уже не от его хотения. Он и пишет:

В своей глубинке деревенской
исполнен я любви вселенской,
а грешная любовь — мертва,
пусть ею тешится Москва.

Как большой поэт, прошедший непростой и трудный путь сомнений и тер-
заний в познании духовных основ этого мира, как выразитель своего време-
ни Виктор Верстаков имеет полное право на такие исповедальные строки
о времени и о себе:

В пурпурном плаще полководца,
В тюремном бушлате худом,
А может, и голым придётся
Вернуться в родительский дом.
— Великую выиграл битву!
— Великое зло испытал...
— Великому Богу молитву
За вас я, родные, читал...